

БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ДУНАЙСКОМ БАССЕЙНЕ И НА БАЛКАНАХ (1933 г. — июнь 1935 г.)

История международных отношений 30-х годов нашего века неразрывно связана с героической борьбой прогрессивных миролюбивых сил против агрессии, за предотвращение империалистической войны путем создания эффективной системы коллективной безопасности. Яркие страницы в летопись этой борьбы вписаны советским социалистическим государством. «От первого внешнеполитического акта советской власти — Декрета о мире до Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, — отмечал Л. И. Брежнев в докладе по случаю 50-летия СССР, — наша партия и государство пронесли преемственность главных направлений борьбы за мир, свободу и безопасность народов».¹

Проблемы внешней политики СССР в межвоенный период привлекают пристальное внимание советской исторической науки. В работах советских авторов раскрывается важная роль, которую играл Советский Союз в борьбе за мир и безопасность народов, за предотвращение второй мировой войны.²

Буржуазные историки фальсифицируют историю международных отношений в годы, предшествовавшие второй мировой войне, пытаясь оправдать политику попустительства фашистской агрессии, проводившуюся западными державами и умалить значение международной деятельности Советского Союза, направленной на сохранение мира в Европе путем создания действенной системы коллективной безопасности.³

¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии СССР. М., 1972, стр. 28—29.

² История внешней политики СССР, ч. 1 (1917—1945 гг.). М., 1966; История международных отношений и внешней политики СССР, т. 1 (1917—1939 гг.). М., 1967; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971; М. Е. Мюнин. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе и предотвращение второй мировой войны. — В кн.: Вторая мировая война и современность. М., 1972; Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918—1939. М., 1968; Я. М. Копанский и И. Э. Левит. Советско-румынские отношения 1929—1934 гг. М., 1971.

³ D. L. Hoggan. Der erzwungene Krieg. Tübingen, 1962; H. Hollack. Was wirklich geschah. München, 1949; G. V. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Rußland. Wiesbaden, 1955; J. D. Clarkson. A History of Russia from the Ninth Century. L., 1962; G. F. Kennan. Soviet Foreign Policy. 1917—1941. N. Y., 1960; A. Z. Rubinstein. The Foreign Policy of the Soviet Union. N. Y., 1960.

Выход в свет 16-го, 17-го и 18-го томов документов внешней политики СССР⁴ дает возможность рассмотреть ряд аспектов внешнеполитической деятельности советского социалистического государства, направленной на создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе с привлечением впервые введенных в научный оборот документов.

* *
*

Мировой экономический кризис привел к резкому обострению противоречий между капиталистическими державами, серьезно ослабил Версальскую систему империалистических договоров. В поисках выхода из кризиса буржуазия различных стран стремилась к установлению тоталитарных режимов, к управлению при помощи методов грубого насилия и террора. Вместе с тем «растущая неуверенность буржуазии в возможности только путем усиления эксплуатации трудящихся собственной страны найти выход из кризиса привела к тому, что империалисты делают свою главную ставку на войну. Международное положение носит характер кануна новой мировой войны», — констатировал XIII Пленум ИККИ, состоявшийся в декабре 1933 г.⁵

После установления в Германии фашистской диктатуры в Европе образовался главный очаг войны. 3 февраля 1933 г., выступая перед верховным командованием армии и флота, Гитлер заявил, что его целью является «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». ⁶ Строительство вооруженных сил было определено как важнейшая предпосылка восстановления политического могущества. ⁷ 17 мая 1933 г. Гитлер выступил в рейхстаге. В многочасовой речи он обосновывал германское требование равноправия и заявил, что Германия не будет считаться с ограничением прав на вооружение. ⁸

Выдающиеся успехи советского народа в годы первой пятилетки превратили СССР в мощную индустриальную державу. «Успешное выполнение первой пятилетки, — отмечалось в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — в то время, когда в странах капитализма бушевал самый разрушительный мировой экономический кризис, — яркое доказательство превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической. Эта победа высоко подняла международный авторитет СССР». ⁹ Обеспечение мирного созидательного труда со-

⁴ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. 16. М., 1970; т. 17. М., 1971; т. 18. М., 1973.

⁵ XIII Пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, стр. 591.

⁶ Запись генерала Либмана. — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1954, Н. 4, S. 434—435.

⁷ Ibidem.

⁸ «Völkischer Beobachter», 1933, 18.V.

⁹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 14.

ветского народа являлось предметом неослабной заботы Коммунистической партии и советского государства. Это было тем более необходимо, что вскоре после прихода Гитлера к власти в политике империалистических западных держав возобладала тенденция к антисоветскому сговору с нацистским правительством. «Обострение всех противоречий империалистической системы, — подчеркнул XVI съезд ВКП(б), — происходит наряду с обострением противоречий между СССР и окружающим капиталистическим миром».¹⁰ Свое практическое воплощение антисоветские тенденции империалистической буржуазии нашли в ходе переговоров и заключении пакта четырех держав (Англия, Франция, Германия, Италия). Пакт представлял попытку сговора между империалистическими державами за счет СССР и малых стран, о чем откровенно писала пресса западных держав.¹¹ Антисоветская подоплека пакта была ясна Советскому правительству. Накануне парафирования «Пакта согласия и сотрудничества четырех держав», как официально стал именоваться проект, выдвинутый Муссолини, Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил германскому послу в Москве Дирксену, что, «несмотря на упоминание в проекте пакта рамок Лиги наций, обсуждаться будут вопросы не только лиганационные, а общеполитические, которые будут неизбежно задевать интересы не только четырех государств. При таком положении совершенно естественно отрицательное отношение к этому плану со стороны тех государств, которые остаются вне соглашения. Никакие объяснения не могут поэтому устранить недоверия, как нашего, так и других государств, к совещанию четырех».¹²

Активная борьба СССР за мир и безопасность в Европе, сопротивление проверсальских кругов во Франции, Польше и Малой Антанте способствовали тому, что пакт в силу не вступил. Тенденции политики «пакта четырех», однако, сохранили свое значение в дипломатии империалистических государств в течение всего предвоенного времени, расчислив, в конечном итоге, путь к Мюнхену.

Учитывая опасное для мира развитие международной обстановки, ЦК ВКП(б) и Советское правительство приняли в конце 1933 г. решение о развертывании борьбы за создание системы коллективной безопасности.¹³ Это решение определило направление советской внешней политики на весь предвоенный период.

Открытый курс гитлеровского правительства на установление гегемонии в Европе вызвал серьезную тревогу во Франции. Опасения французских правящих кругов подкреплялись очевидным

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 4. М., 1970, стр. 408.

¹¹ G. Graham. War and Peace and the Soviet Union. L., 1934, p. 136.

¹² ДВП СССР, т. 16, № 106, стр. 213.

¹³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 25.

разрыхлением системы военно-политических союзов, созданных под эгидой Парижа. Заключение «пакта четырех» показало французским союзникам, что правящие круги Франции не задумываясь пожертвуют ими в угоду интересам французского империализма. В октябре 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги наций. Этот шаг свидетельствовал об агрессивных намерениях гитлеровского правительства и еще более усилил напряженность в Европе. По меткому выражению одного из дипломатов, послевоенный период окончился, начался предвоенный период.¹⁴

Наиболее дальновидные представители французских правящих кругов выступали за сотрудничество с СССР в обеспечении мира в Европе. В 1932 г., при активном содействии тогдашнего премьер-министра Франции Э. Эррио, был заключен советско-французский пакт о ненападении. Он создал хорошую основу для развития сотрудничества между Францией и СССР. Поворот в политике французских правящих кругов в сторону сближения с СССР был с удовлетворением встречен Советским правительством. Возникла реальная перспектива создания действенной системы коллективной безопасности в Европе при условии, что правящие круги Франции будут последовательно придерживаться линии на укрепление мира.

31 октября 1933 г. французский министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур предложил наркому иностранных дел Литвинову заключить между СССР и Францией соглашение о взаимной помощи в дополнение к пакту о ненападении.¹⁵ В ответ Советское правительство выдвинуло свой контрпроект. Он предусматривал заключение регионального пакта взаимной помощи между СССР, Францией, Бельгией, Чехословакией, Польшей и прибалтийскими странами. Его целью являлось создание «таких гарантий безопасности, которые помогут держать воинственность гитлеровской Германии в узде».¹⁶

Заключение Восточного пакта, как стал называться советский проект, заложило бы прочный фундамент системы коллективной безопасности в Европе, воздвигнув непреодолимый барьер на пути агрессии. Следовательно, осуществление проекта, выдвинутого советской стороной, внесло бы значительно более весомый вклад в дело обеспечения европейского мира, нежели осуществление французского проекта двустороннего договора. Однако переговоры между Францией и Советским Союзом затянулись. Параллельно с советско-французскими переговорами посол Франции в Берлине

¹⁴ W. zu Putlitz. *Unterwegs nach Deutschland. Erinnerungen eines ehemaligen Diplomaten*. Berl., 1971, S. 155.

¹⁵ ДВП СССР, т. 16, стр. 595; № 337, стр. 602.

¹⁶ ДВП СССР, т. 16, стр. 876, прим. 321; т. 17, № 228, стр. 434; *Documents diplomatiques français* (далее — DDF). Ser. I (1932—1935), t. 5. P., 1970, № 193, p. 403.

А. Франсуа-Понсе вступил в контакт с Гитлером.¹⁷ Этот факт свидетельствовал о том, что влиятельные круги во Франции по-прежнему рассчитывали заключить сделку с Германией за счет СССР.

Угроза агрессии со стороны фашистских держав, рост ревизионистских настроений в Болгарии и Венгрии побудили ряд стран Юго-Восточной Европы принять меры для укрепления собственной безопасности. 9 февраля 1934 г. Турция, Греция, Румыния и Югославия подписали в Афинах Балканский пакт.¹⁸ Участники пакта обязались поддерживать неприкосновенность границ на Балканах. Обязательство оказания помощи союзникам по Балканскому пакту сохраняло силу и в случае, если бы одна из великих держав стала на сторону балканского государства, выдвинувшего претензии к своим соседям. Действенным барьером на пути агрессии новый блок мог стать лишь в случае опоры на главный оплот мира в Европе — Советский Союз. Однако правящие круги стран Балканского пакта были далеки от действительного желания сотрудничать с СССР в деле обеспечения мира. Более того, первоначально в проекте Балканского пакта предусматривалась гарантия внешних балканских границ. Это означало признание захвата Румынией Бессарабии. Таким образом, обязательства Турции по Балканскому пакту вступали в очевидное противоречие с советско-турецким договором о дружбе и нейтралитете, заключенном в 1925 г.

7 февраля 1934 г. М. М. Литвинов предложил советскому полпреду в Афинах, где в то время находился Рюштю-бей, сообщить турецкому министру иностранных дел, что, поскольку Турция настаивает на своем присоединении к Балканскому пакту, Советское правительство не будет мешать ей, но о положительном отношении СССР к этому пакту не может быть и речи.¹⁹ По настоянию Литвинова Рюштю-бей сделал при подписании Балканского пакта письменное заявление, что «ни в коем случае Турция не будет обязана принимать участие в каком-либо действии против СССР».²⁰

Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш считал, что Балканский пакт «сильно укрепляет Малую Антанту».²¹ Бенеш рассчитывал с помощью нового блока расширить сферу влияния Чехословакии на Балканах. Вместе с тем участие южного звена Малой Антанты в новой группировке грозило изоляцией Чехословакии.²² Уступая давлению Германии и профашистских кругов Англии и Франции, Югославия и Румыния могли предпочесть со-

¹⁷ Посол Франции в СССР Альфан сообщал Поль-Бонкуру, что франко-германские переговоры произвели крайне неблагоприятное впечатление в Москве, «как некогда было с пактом четырех», и советовал не предпринимать ничего, что могло бы оттолкнуть от Франции ее союзников. — DDF, Ser. I, t. 5, № 86, p. 169—170.

¹⁸ N. Titulescu. Documente diplomatice (далее — Documente diplomatice). Bucuresti, 1967, № 305, p. 542—545.

¹⁹ ДВП СССР, т. 16, стр. 776—777, прим. 49.

²⁰ Там же, № 51, стр. 1130; Documente diplomatice, № 305, p. 545.

²¹ ДВП СССР, т. 17, № 48, стр. 123.

²² Внешняя политика Чехословакии 1918—1939. М., 1959, стр. 321.

юзным отношениям с Чехословакией укрепление связей с партнерами по Балканскому пакту и, таким образом, покинуть союзника по Малой Антанте перед лицом нацистской агрессии.

Попытка утвердить территориальное статус-кво на Балканах вызвала резкое недовольство со стороны гитлеровской Германии. В циркуляре германского министерства иностранных дел Балканский пакт характеризовался как «возвращение к старым политическим методам союзов и группировок держав».²³ В период подготовки Балканского пакта гитлеровская дипломатия предприняла демарши в Анкаре и Белграде с целью сорвать заключение пакта.²⁴ Подобные демарши были предприняты и фашистской Италией. Муссолини опасался, что Балканский пакт может стать серьезным препятствием для осуществления гегемонистских целей Италии на Балканах.²⁵ Фактически отрицательную позицию по отношению к Балканскому пакту заняла Англия. Английский министр иностранных дел Саймон заявил, что Великобритания поддержала бы только такой договор, который не был бы направлен против какой-либо страны. Хотя в данном отношении конкретно упоминалась Болгария, английская дипломатия подразумевала крупные ревизионистские страны — Италию и Германию.²⁶

Весной 1934 г. возобновились советско-французские переговоры о создании системы коллективной безопасности в Европе. Л. Барту, возглавивший в феврале 1934 г. министерство иностранных дел Франции, принадлежал к числу реально мыслящих буржуазных политических деятелей, которые ясно сознавали угрозу безопасности Франции со стороны агрессивных фашистских держав. Новый французский министр иностранных дел выступил решительным поборником проекта Восточного регионального пакта взаимопомощи, выдвинутого Советским Союзом. Этому способствовали опасения, что в ином случае СССР будет искать соглашения с Германией²⁷.

28 апреля 1934 г. генеральный секретарь французского министерства иностранных дел А. Леже представил советской стороне конкретизированный им план Восточного пакта. «Его руководящей мыслью, — заявил Леже, — было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии».²⁸ Характеризуя новые французские предложения, Народный комиссариат иностранных дел СССР подчеркнул, что, «собствен-

²³ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP). Ser. «C», v. 3, L., 1959, № 246, p. 463.

²⁴ D. Tutu, E. Campus. L'Entente Balkanique et son rôle dans la défense de la paix et de la sécurité dans le Sud-Est de L'Europe. — Actes du premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est Européennes. V. Histoire. Sofia, 1970, p. 264.

²⁵ Ibidem.

²⁶ См. выступление П. Ароова. — Actes du premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est Européennes. V. Histoire, p. 219; ДВП СССР, т. 17, № 47, стр. 120.

²⁷ История внешней политики СССР, ч. 1, стр. 283.

²⁸ ДВП СССР, т. 17, № 151, стр. 309.

но говоря, нет нового предложения, а лишь видоизмененное нашего предложения. В наше предложение вносятся французами следующие изменения.

1. В пакт о взаимопомощи включается Германия.

2. Из пакта исключается Франция, которая, однако, заключает с СССР отдельный пакт, гарантирующий нам помощь со стороны Франции и делающий нас участником Локарнского соглашения в пользу Франции...

3. Помощь подвергшемуся нападению оказывается не всеми участниками пакта, а лишь непосредственными соседями...». ²⁹ Таким образом, СССР должен был взять на себя обязательства в отношении Франции, вытекающие из Локарнского договора, Франция соглашалась гарантировать выполнение Восточного пакта путем заключения двустороннего договора о взаимопомощи с СССР.

В мае 1934 г. М. М. Литвинов во время пребывания в Женеве вел переговоры с Барту. Народный комиссар иностранных дел СССР выдвинул широкую программу обеспечения мира путем заключения трех региональных пактов: Восточноевропейского пакта взаимопомощи и пактов безопасности в районах Средиземноморья и Тихого океана. ³⁰ Учитывая, что наиболее неотложной задачей является обеспечение мира в Европе, стороны согласились сосредоточить усилия в первую очередь на заключении Восточного пакта. ³¹

Угроза военного конфликта в Центральной и Юго-Восточной Европе побуждала правящие круги стран, входящих во французскую военно-политическую систему, принять меры для обеспечения своей безопасности. На первый план в этой связи выдвигался вопрос об отношении к Советскому Союзу и его усилиям, направленным на создание системы коллективной безопасности в Европе. Между тем ни одна из стран Малой Антанты не имела к 1934 г. нормальных дипломатических отношений с СССР. Это наносило серьезный ущерб национальным интересам этих стран, что было на руку противникам мира. В оценке многих важных международных проблем, какими были вопрос разоружения, отношение к «пакту четырех» и вопрос ревизии мирных договоров, позиции СССР и стран Малой Антанты совпадали. Подписание в июле 1933 г. СССР, Чехословакией, Румынией и Югославией конвенции об определении агрессии создало предпосылку для развития их взаимного сотрудничества. Выступая в декабре 1933 г. на IV сессии ЦИК СССР, нарком иностранных дел М. М. Литвинов подчеркнул: «То обстоятельство, что этот акт был совершен, несмотря на то, что с одной из этих стран — с Румынией — не разрешены еще

²⁹ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 155.

³⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, № 129, стр. 199.

³¹ W. Scott. *Alliance against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact*. Durham, 1962, p. 168—169.

старые споры, только увеличивает значение его. Этот акт является, несомненно, выразителем общности некоторых интересов между всеми его участниками, а эти интересы состоят в их общем стремлении к умиротворению Европы. Такая общность интересов является достаточной базой и открывает возможности для дальнейшего сближения...».³²

Однако правящие круги стран Малой Антанты не спешили урегулировать отношения с СССР. В феврале 1933 г. министрами иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии был принят так называемый Организационный статут Малой Антанты³³. Согласно этому статуту, Чехословакия, Румыния и Югославия обязались в будущем проводить единую политику. Конкретно идея превратить Малую Антанту в пятую великую державу должна была проявиться в том, что ни одна из стран, входивших в этот блок, не могла заключить политического соглашения с другим государством без предварительного одобрения союзников (ст. 6). Таким образом, несмотря на то, что внешнеполитическое положение Чехословакии, Румынии и Югославии существенно различалось, они должны были проводить совместную политику по отношению к Советскому Союзу. Используя это обстоятельство, румынская буржуазия, отторгнувшая в 1918 г. от советского государства Бессарабию, рассчитывала удержать Чехословакию и Югославию от одностороннего признания СССР и тем самым избежать изоляции в вопросе нормализации отношений между Малой Антантой и Советским Союзом.³⁴

Советская дипломатия обратила внимание чехословацкого правительства на то, что подписав Организационный статут, Чехословакия стала участником территориального спора между Советским Союзом и Румынией.³⁵

Между тем развитие международной обстановки не было благоприятным для стран Малой Антанты. Заключение Организационного пакта не способствовало ожидаемому укреплению единства союза трех стран. Все более угрожающе вела себя гитлеровская Германия. «Пакт четырех» усилил тревогу в лагере антиревизионистских государств. В этой обстановке наметившееся франко-советское сближение и осуществлявшиеся на этой основе переговоры о Восточном пакте открывали перед тремя странами Малой Антанты важную перспективу обеспечения собственной безопасности. Нормализации дипломатических отношений с Советским Союзом — главным оплотом мира в Европе — настоятельно требовали жиз-

³² М. М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления, 1927—1937. М., 1937, стр. 86.

³³ Documente diplomatice, № 274, p. 474—476.

³⁴ DGFP. Ser. «С», v. II, 1937, № 32, p. 69—70. Титулеску впоследствии признал антисоветский характер Организационного статута Малой Антанты, — ДВН СССР, т. II, № 57, стр. 147; № 132, стр. 272—273; Foreign Relations of United States (далее — FRUS), 1933, v. 2. W., 1949, p. 660.

³⁵ V. Kral. Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935—1939. Praha, 1970, стр. 21.

ленные интересы этих стран. Тем не менее переговоры между Советским Союзом и странами Малой Антанты, проходившие в 1933 г., не привели к признанию СССР. Только в январе 1934 г. сессия Постоянного Совета Малой Антанты приняла решение о «своевременности возобновления государствами — членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических республик, как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия».³⁶

Решения трех стран свидетельствовали о том, что вопрос установления дипломатических отношений с СССР встал на повестку дня Малой Антанты. Вместе с тем окончательного решения о признании Советского Союза принято не было, что говорило о различии подхода Чехословакии, Румынии и Югославии к этой проблеме.

В наибольшей степени в урегулировании отношений с СССР была заинтересована Чехословакия. Чехословацкие правящие круги вынуждало к этому чрезвычайно сложное внешнеполитическое положение страны. Малоантантовская политика Бенеша не принесла ожидаемых успехов. Все более очевидной становилась угроза со стороны ревизионистских государств. Растущую тревогу в Чехословакии вызывала политика Польши, заключившей в январе 1934 г. пакт о ненападении с гитлеровской Германией. «...Внешнеполитическая необходимость является именно тем, что заставляет чешскую буржуазию искать дорожку к Советскому Союзу», — отмечал ЦК Коммунистической партии Чехословакии.³⁷ Чехословацкие правящие круги не могли не считаться и с мощным давлением общественных и деловых кругов страны, требовавших скорейшей нормализации отношений с СССР.³⁸ Чехословацкая буржуазия, однако, не помышляла об искреннем сотрудничестве с Советским Союзом. Сближение с СССР в правящих кругах Чехословакии рассматривалось как фактор второстепенного, подчиненного по сравнению с союзными отношениями с Францией, значения. Бенеш, таким образом, был вынужден проводить политику, от которой до сих пор отказывался, «но доминантой его политического мышления, — отмечает чехословацкий историк В. Краль, — был союз с Францией».³⁹

Позиция Румынии долгое время считалась главным препятствием на пути нормализации отношений между Малой Антантой и Советским Союзом. Румыно-советские отношения были отягощены территориальным спором, возникшим из-за незаконного отторжения Румынией части советской территории — Бессарабии. Совет-

³⁶ ДВП СССР, т. 17, стр. 775, примеч. 44; *Documente diplomatice*, № 303, p. 538.

³⁷ *Внешняя политика Чехословакии...*, стр. 322.

³⁸ ДВП СССР, т. 17, № 33, стр. 93—96; *Velká víra a nádeje. Dokumenty o vztazích československého lidu k národům SSSR v letech 1917—1945*. Praha, 1968, стр. 170—173; Z. Sládek. *Hospodarské vztahy CSR a SSSR 1918—1938*. Praha, 1971, стр. 138—141.

³⁹ V. Kral. *Spojení československo-sovětské v evropské politice 1935—1939*, стр. 17.

ский Союз в целях создания благоприятных условий для переговоров не выдвигал в тот период требования о немедленном возвращении Бессарабии. Это создавало определенную основу для сближения двух стран с целью борьбы против фашистской экспансии. Важную роль в проведении политики сближения с СССР сыграл румынский министр иностранных дел Н. Титулеску. Будучи ревностным защитником послеверсальского устройства мира, Титулеску проявил себя сторонником создания системы коллективной безопасности в Европе, базирующейся на советско-французском сотрудничестве.⁴⁰

Нормализации отношений между странами Малой Антанты и СССР препятствовала также антисоветская позиция королевской Югославии. Видный чехословацкий политический деятель Рипка, говоря о результатах январской сессии Малой Антанты по вопросу о признании Советского Союза, заявил полпреду СССР в Чехословакии, что имеются «некоторые трудности», связанные с позицией короля Александра, «находящегося под известным давлением своих воспоминаний и русских эмигрантов».⁴¹ Югославские правящие круги пошли на некоторое сближение с Германией. 1 мая 1934 г. был заключен германо-югославский торговый договор.⁴²

В определенной степени ослабло французское влияние в Югославии. Франко-итальянский флирт вызывал серьезную тревогу в Белграде. Здесь полагали, что «Франция, не колеблясь, выбросит за борт интересы Югославии», чтобы добиться поддержки Италии против Гитлера.⁴³ В июне 1934 г. Эррио записывал в своем дневнике: «Следует внимательно следить за Югославией, которая, по мнению маршала Петэна, имеет тенденцию отойти от нас...».⁴⁴

В апреле 1934 г. Л. Барту посетил Прагу, в июне — Бухарест и Белград. Переговоры, которые вел Барту в столицах союзных с Францией малых держав, способствовали улучшению отношений между блоком стран Малой Антанты и СССР.⁴⁵ В Праге, Бухаресте и Белграде благоприятно отнеслись к проекту Восточного пакта. Барту содействовал также сближению Белграда с Римом, рассчитывая в дальнейшем на заключение Средиземноморского пакта.

Переговоры об установлении дипломатических отношений меж-

⁴⁰ См., например: И. Опря. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест, 1970; Н. Лебедев. Политик-реалист, сторонник сотрудничества с СССР. — «Международная жизнь», 1972, № 5, стр. 87—91. Следует отметить, однако, что Титулеску постоянно связывал вопрос нормализации взаимоотношений с СССР с признанием существующих границ, т. е. захвата Румынией Бессарабии; Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения 1929—1934 гг., стр. 137—149; M. Teichman. Titulescu a Rumunská zahraniční politika 1933—1936. — «Ceskoslovensky casopis historicky». Praha, 1966, № 5, str 668—669.

⁴¹ ДВП СССР, т. 17, № 33, стр. 95.

⁴² Schulthess. Europäischer Geschitskalender, Bd. 75. 1934. München, 1935, S. 118.

⁴³ J. Hoptner. Jugoslavia in crisis. 1934—1941. N. Y., 1962, p. 24.

⁴⁴ Э. Эррио. Из прошлого. М., 1958, стр. 532.

⁴⁵ ДВП СССР, т. 17, стр. 778, прим. 54.

ду странами Малой Антанты и Советским Союзом завершились 9 июня 1934 г. признанием де-юре Чехословакией и Румынией СССР.⁴⁶ Отмечая положительное значение нормализации отношений между двумя странами Малой Антанты и Советским Союзом, газета «Правда» в передовой статье писала: «Этот дипломатический акт приобретает особое политическое значение в той напряженной и угрожающей обстановке, которая в настоящее время создавалась в Европе. (...) Новый акт мира, получивший свое завершение в Женеве, является еще одним дополнительным звеном в длинной цепи мероприятий к укреплению мира, неуклонно проводимых Советским Союзом».⁴⁷

Югославия не присоединилась к своим союзникам по Малой Антанте. Югославский посланник в Бухаресте Чолак-Антич 12 мая 1934 г. заявил, что «по его сведениям непосредственно от Ефтича... Югославия не будет препятствовать... Румынии... в урегулировании отношений с СССР, однако сама еще подождет».⁴⁸ Проблема итало-югославских отношений, несомненно, оказывала серьезное влияние на позицию югославских правящих кругов по отношению к Германии и Советскому Союзу. Оставляя открытым вопрос о признании СССР, югославская дипломатия намеревалась оказать давление на франко-итальянские переговоры с целью обеспечить благоприятный исход их для Югославии.

Весной и летом 1934 г. продолжались интенсивные переговоры о Восточном пакте. Во время визита в Лондон в июле 1934 г. Л. Барту, угрожая альтернативой франко-советского союза, удалось склонить английское правительство к поддержке советско-французского проекта.⁴⁹ Однако в Лондоне вели двойную игру. На словах поддерживая проект Восточного пакта, Англия на деле стремилась к сговору с гитлеровской Германией на антисоветской основе. Такого рода тенденции были сильны также среди правящих кругов Франции, Югославии, Румынии, Чехословакии и особенно Польши.

В январе 1934 г. была подписана польско-германская «декларация о ненападении и взаимопонимании».⁵⁰ Антисоветская сущность этого соглашения не вызывала сомнений. Советское правительство дало ясно понять в Варшаве, что расценивает германо-польский пакт как направленный против СССР.⁵¹ Заключение договора между Германией и Польшей нанесло серьезный удар по французской военно-политической системе. Германия и Польша заняли отрица-

⁴⁶ Там же, № 193, стр. 379—380; № 194, стр. 380—381.

⁴⁷ «Правда», 1934, 10 июня.

⁴⁸ L. Deak. K problému normalizovania vzťahov medzi Juhosláviou a SSSR v rokoch 1933—1935. — «Slovanské studie». Bratislava, 1967, IX, str. 103.

⁴⁹ См. выступление Саймона в палате общин 13 июля 1934 г. — Schultness' Europäischer Geschichtskalender, Bd. 75, 1934, S. 345—350.

⁵⁰ Еще в апреле 1933 г. германский министр иностранных дел Нейрат не считал возможным в какой бы то ни было форме германо-польское соглашение. — Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919—1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970, S. 91.

⁵¹ ДВП СССР, т. 17, № 53, стр. 131—135.

тельную позицию к Восточному пакту, тотчас вступив между собой в контакт.⁵²

Не встретила одобрения идея Восточного регионального пакта и со стороны фашистского правительства Италии. 14—15 июня 1934 г. в Венеции состоялась встреча Гитлера с Муссолини. Главной темой переговоров являлся австрийский вопрос. Гитлер заверил Муссолини, что не собирается силой присоединять Австрию к Германии. Германский канцлер, однако, утверждал, что австрийский народ будто бы желает «воссоединения со своими германскими братьями» и этому, подчеркнул Гитлер, никто не должен мешать.⁵³

Германский канцлер и глава итальянского правительства заняли отрицательную позицию по отношению к советско-французским усилиям, направленным на создание системы коллективной безопасности в Европе. «Обе стороны, — сообщал в НКВД советский полпред в Риме, — сошлись... в отрицательном отношении к системе региональных пактов и гарантийных договоров».⁵⁴

Министр иностранных дел Турции Рюштю-бей предлагал объединить Восточный пакт и Балканскую Антанту в одну комбинацию, которую можно было бы использовать как против Германии, так и против Италии.⁵⁵ Однако в Анкаре имели в виду лишь итальянскую опасность и не собирались мешать германской агрессии против Австрии и Чехословакии.⁵⁶ В мае 1934 г. турецкий премьер-министр Исмет-паша заявил временному поверенному в делах СССР в Турции, что Советский Союз не должен возражать против аншлюса Австрии. Более того, Исмет-паша предложил подталкивать Германию в сторону аншлюса, который-де серьезно ослабит ее экспансию на Восток. В результате аншлюса, утверждал Исмет-паша, Венгрия присоединится к «новому политическому образованию». Все это неминуемо приведет к обострению противоречий между Германией, западными странами и Малой Антантой. В результате Германии будет не до Востока.⁵⁷

Советский дипломат сказал, что «Германия не остановится на достигнутом и будет стремиться к дальнейшей экспансии, в частности, на Восток». Со своей стороны западные империалистические державы будут добиваться компромиссного соглашения с усилившейся Германией. В таком случае опасность угрожает Восточной и Юго-Восточной Европе.⁵⁸ Нарком иностранных дел СССР сказал в беседе с Рюштю-беем, что захватнические планы Италии в Малой Азии представляют весьма отдаленную эвентуаль-

⁵² ДВП СССР, т. 17, № 199, стр. 391; DGFP. Ser. «C», v. 11, № 465, p. 845—846.

⁵³ ДВП СССР, т. 17, № 237, стр. 447.

⁵⁴ Там же, стр. 450.

⁵⁵ ДВП СССР, т. 17, № 218, стр. 410.

⁵⁶ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в 1933—1939 гг. Докт. дисс. Свердловск, 1973, стр. 88.

⁵⁷ ДВП СССР, т. 17, № 174, стр. 348.

⁵⁸ Там же.

ность, следовательно, первоочередной задачей является предотвращение германской опасности.⁵⁹

В июле 1934 г. в Риме были встревожены слухами о том, что Франция ведет подготовку к созданию единого блока от Парижа до Анкары, который вместе с Восточным пактом может быть использован как против Германии, так и против Италии.⁶⁰

Советское правительство стремилось избежать любого шага, который мог бы способствовать сближению Италии с Германией. М. М. Литвинов поручил советскому полпреду в Риме Потемкину разъяснить Муссолини, что Восточный пакт не направлен против Италии. Сближение СССР с Францией и Чехословакией происходит перед лицом германской опасности, поэтому Италия не только не должна препятствовать, а наоборот, должна способствовать созданию гарантий безопасности в Европе. «Заверьте его, — писал Литвинов, — что мы не имеем никакого желания в какой бы то ни было мере связывать Восточный пакт с Балканским, Средиземноморским или другими и что нас теперь только интересует гарантия против Германии».⁶¹ Советская дипломатия в тот период не считала первоочередной задачей заключения пакта о взаимной помощи в районе Средиземноморья, тем более, что к началу июля 1934 г. позиция Италии в отношении Восточного пакта стала более благоприятной. Это произошло под влиянием точной информации о существовании пакта, полученной из Москвы.⁶² Немалую роль сыграли опасения итальянского правительства, что в случае провала Восточного пакта будет заключен франко-советский союз.⁶³

Июльские события в Австрии с новой силой продемонстрировали настоятельную необходимость создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе. 25 июля 1934 г. австрийские нацисты пытались захватить власть в Вене и присоединить Австрию к гитлеровской Германии. Попытка аншлюса провалилась. Благодаря противодействию Малой Антанты, Франции и прежде всего Италии, которую усиление Германии интересовало лишь в той мере, в которой оно способствовало восстановлению «равновесия» в Европе и служило нажиму на Францию, Гитлер был вынужден отмежеваться от путчистов и отозвать из Вены германского посланника Рита, скомпрометировавшего себя участием в путче.⁶⁴ Нацистский путч в Вене очень обострил германо-итальянские отношения. В публичной речи в начале сентября 1934 г. дуче резко отзывался о «варварских ордах на севере, не имеющих ничего общего с латинской культурой».⁶⁵ 16 августа верительные грамоты прези-

⁵⁹ ДВП СССР, т. 17, № 218, стр. 410.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ДВП СССР, т. 17, № 228, стр. 434.

⁶² Там же, № 237, стр. 452—453; № 248, стр. 475.

⁶³ Там же, № 248, стр. 475; стр. 807, прим. 204; DGFP, Ser. «C», v. 3, № 87, p. 170; № 61, p. 130.

⁶⁴ U. Eichstädt. Von Dolfuss zu Hitler. Wiesbaden, 1955, S. 57.

⁶⁵ Ch. Bloch. Hitler und die europäischen Mächte 1933—1934. Frankfurt am Main, 1966, S. 74.

денту Австрии вручил новый германский посланник в Вене — фон Папен.

Вскоре после приезда в Вену бывший германский вице-канцлер заявил посланнику США в Австрии Мессерсмит, что «Юго-Восточная Европа вплоть до Турции является естественным «хинтерландом» Германии и его миссия заключается в том, чтобы «выполнить задачу по включению этой территории» в сферу влияния третьего рейха».⁶⁶

В Берлине хорошо понимали опасность, которая грозила агрессивным планам германского империализма в случае заключения Восточного пакта взаимной помощи. Не решаясь сразу отвергнуть советско-французский проект, Германия тянула с официальным ответом, рассчитывая побудить как можно больше стран занять отрицательную позицию к Восточному пакту.⁶⁷

Гитлеровское правительство оказало нажим на Италию, настаивая на безоговорочной поддержке своей позиции по отношению к Восточному пакту. 14 июля германский посол в Риме Хассель в беседе с заместителем министра иностранных дел Сувичем выразил «удивление» по поводу изменения позиции итальянского правительства к советско-французскому проекту.⁶⁸ Через неделю Хассель повторил германские аргументы против Восточного пакта дуче и заклинал Муссолини солидаризироваться с фюрером по вопросу о пактах взаимопомощи.⁶⁹

Усилиям Германии, направленным на срыв переговоров о создании системы коллективной безопасности в Европе, в немалой степени способствовала позиция Польши.

В июле 1934 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек совершил вояж в Прибалтику. В переговорах с ведущими деятелями прибалтийских стран Бек пытался убедить их отвергнуть Восточный пакт.⁷⁰ На срыв переговоров о пакте было нацелено и требование Польши включить в число его участников Румынию.⁷¹ Советское правительство сочло польскую инициативу «трюком для саботирования пакта». «За Румынией, — писал тогда М. М. Литвинов советскому временному поверенному в делах во Франции Розенбергу, — могут потянуться и другие государства, и пакт может потерять характер регионального и обесцениться».⁷² Одновременно Литвинов поручил Розенбергу сообщить Барту, что СССР готов «заключить дополнительно к Восточному пакту особый со-

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7445 (Нюрнбергский процесс), оп. 1, д. 1789, л. 103.

⁶⁷ DGFP. Ser. «C», v. 2, № 491, p. 885—886; FRUS, 1934, v. 1.W., 1951, p. 499.

⁶⁸ DGFP. Ser. «C», v. 3, № 86, p. 172.

⁶⁹ Ibid., № 103, p. 204—205.

⁷⁰ Documents on British Foreign Policy. Ser. II, v. 6. L., 1957, № 549, p. 885—886.

⁷¹ I. Jurkiewicz. Pakt wschodni. Warszawa, 1963, str. 79.

⁷² ДВП СССР, т. 17, № 270, стр. 501. См. также: DDF. Ser. I, t. 5, № 193, p. 403.

ветско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают».⁷³

В сентябре 1934 г. Советский Союз получил официальное приглашение от 30 капиталистических государств «вступить в Лигу наций и принести ей свое ценное сотрудничество». Правительство СССР ответило согласием.⁷⁴

Вступление Советского Союза в Лигу наций укрепило позиции стран, заинтересованных в предотвращении фашистской агрессии, и продемонстрировало роль СССР в укреплении мира и безопасности. миролюбивое советское государство получило возможность использовать трибуну Лиги наций для разоблачения действий фашистских агрессоров.

Укрепление позиций сторонников мира вызвало серьезную тревогу в стане агрессивных государств и их пособников. 8 сентября 1934 г. германское правительство официально заявило о своем отказе присоединиться к Восточному пакту.⁷⁵ Вскоре за ним последовала Польша.⁷⁶

9 октября 1934 г. в Марселе были убиты французский министр иностранных дел Л. Барту и король Югославии Александр.⁷⁷ Гибель Л. Барту — активного сторонника создания системы коллективной безопасности в Европе — имела далеко идущие последствия. Премьером Барту стал П. Лаваль. Его приход во французское министерство иностранных дел означал укрепление позиций тех сил, которые стремились достигнуть соглашения с гитлеровской Германией.⁷⁸

На первых порах Лаваль старался создать впечатление, что намеревается продолжать политику своего предшественника,⁷⁹ но вскоре во внешней политике Франции стали проявляться новые тенденции. К началу 1935 г. в Лондоне и Париже выявилось желание возобновить переговоры с Германией.⁸⁰ 19 октября 1934 г. Лаваль в беседе с временным поверенным в делах СССР во Франции признал, что стремится к сближению с Германией, без чего, по его мнению, мир в Европе невозможен. «Если соглашение с Германией возможно только обходным путем соглашения Франции с Москвой, он готов пойти и этим путем», — сообщало в НКВД советское полпредство в Париже. В письме полпреду СССР во Франции М. М. Литвинов отмечал, что анализ высказываний Лавала показывает, что «либо Лаваль проговорился, либо сознательно, с циничной откровенностью сказал, что сближение с нами должно

⁷³ ДВП СССР, т. 17, № 270, стр. 502.

⁷⁴ Там же, № 331, стр. 589.

⁷⁵ DGFP. Ser. «C», v. 3, № 200, p. 396—402.

⁷⁶ Ibid., № 226, p. 446—449.

⁷⁷ См. подробнее об этом: В. К. Волков. Операция «Тевтонский меч». М., 1966.

⁷⁸ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 155.

⁷⁹ ДВП СССР, т. 17, № 365, стр. 647.

⁸⁰ The Memoirs of Anthony Eden. Facing the Dictators. Boston, 1962, p. 138.

быть лишь целью запугивания Германии, чтобы добиться от нее больших уступок, иначе говоря, что Франция нас только разыгрывает».⁸¹

Маневры Лавала были тем более опасны, что гитлеровская Германия предприняла в этот период новую попытку сорвать заключение Восточного пакта. В октябре 1934 г. бывший германский посол в Москве Р. Надольный предложил советскому полпреду в Германии подписать Восточный пакт, исключив из числа его участников Францию и Чехословакию.⁸² Идея такого пакта встретила одобрение и со стороны польского министра иностранных дел Ю. Бека.⁸³ Советское правительство отказалось обсуждать это предложение и поставило в известность о нем Париж.⁸⁴ Учитывая враждебное отношение к Восточному пакту Берлина и Варшавы, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 2 ноября 1934 г. была отмечена возможность заключения пакта без Германии и Польши. Политбюро ЦК ВКП(б) указало также на необходимость добиваться от Франции согласия на подписание соглашения, которое содержало бы взаимное обязательство не заключать с Германией каких-либо политических соглашений без предварительного извещения и информировать другую сторону о любых политических переговорах с Берлином.⁸⁵

Особую роль во внешнеполитической программе Лавала играла Италия, сближению с которой французские правящие круги при- давали все большее значение.⁸⁶

Осенью 1934 г. стало известно, что новый французский министр иностранных дел посетит Италию. Перед визитом Лавала в Рим французское правительство предложило гарантировать независимость Австрии посредством заключения так называемого Дунайского пакта. В Риме заняли благожелательную позицию по отношению к французскому проекту. Однако обнаружились разногласия относительно участников пакта. Муссолини предложил, чтобы в гарантии независимости Австрии приняли участие Италия и Франция. В итальянском проекте в качестве гаранта австрийской независимости упоминалась также Германия.⁸⁷ Такой политической дилемме преследовал цель изолировать Францию от ее союзников и не допустить сотрудничества стран Малой и Балканской Антант. Когда этот план провалился, итальянская дипломатия предложила включить в Дунайский пакт только Австрию и пограничные с ней

⁸¹ ДВП СССР, т. 17, № 365, стр. 647—648; стр. 824, примеч. 275.

⁸² Там же, стр. 826, прим. 289.

⁸³ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 156.

⁸⁴ ДВП СССР, т. 17, № 387, стр. 670.

⁸⁵ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, стр. 296.

⁸⁶ A. J. P. Taylor. The Origins of the Second World War. Penguin Book, 1969, p. 116.

⁸⁷ L. Deak. Balkanska dohoda a plan Dunajského paktu (1935). — «Slovenské studie». Bratislava, 1971, IX, str. 128.

придунайские государства, что исключало из числа участников пакта не только Турцию и Грецию, но и Румынию.

19 октября румынский министр иностранных дел Титулеску, выступая на заседании Постоянного Совета Малой Антанты, заявил, что «Малая и Балканская Антанты отвергают решение, которое представляло бы угрозу их единству». Титулеску подчеркнул, что как Балканская Антанта, так и малоантантовский блок присоединятся к франко-итальянскому соглашению лишь как единое целое.⁸⁸ Однако на сессии Балканской Антанты, состоявшейся в конце октября—начале ноября 1934 г. в Анкаре, были приняты решения, в которых говорилось, что формальной организационной связи между Малой и Балканской Антантами «не будет». Связаны они постольку, поскольку Югославия и Румыния входят в обе Антанты. Относительно гарантий независимости Австрии позиция стран Балканской Антанты заключалась в следующем: «1) они не возражают, если Франция и Италия договорятся сами о безопасности Австрии. 2) Чехословакия не должна присоединяться к такому соглашению без Балканских стран, ибо это означало бы развал Малой Антанты. 3) Балканская Антанта хочет также быть участником таких соглашений с Италией. Они настаивают на этом, так как если Малая Антанта заключит соглашение без них, то Греция и Турция⁸⁹ могут стать жертвой Италии, и в этом случае они вынуждены будут в вопросе об Австрии присоединиться к Германии».⁹⁰ О том, что это были не только слова, свидетельствовали переговоры о союзе с Германией, начатые в конце 1934 г. турецкими дипломатами.⁹¹

Сопоставляя эти факты с тем, что говорил в мае 1934 г. турецкий премьер-министр Исмет-паша советскому дипломату, нетрудно увидеть, что в Анкаре добивались изоляции Австрии и Чехословакии.⁹² С целью преодолеть развитие этих опасных для мира тенденций, правительство СССР предупредило Турцию, что какое-либо соглашение с Германией в настоящей ситуации будет являться поощрением ее агрессивной политики.⁹³

С целью ограничить маневры Лавалля, упорно искавшего путь к соглашению не только с Италией, но и Германией, Советское правительство выступило с важной дипломатической инициативой. 5 декабря 1934 г. Литвинов и Лаваль подписали в Женеве совместный советско-французский протокол. СССР и Франция обязались воздерживаться от поддержки любых соглашений, могущих нанести ущерб заключению Восточного пакта.⁹⁴ Через два

⁸⁸ L. Deak. Balkanska dohoda a plan Dunajského paktu (1935), str. 123.

⁸⁹ В 1933 г. между Турцией и Грецией был заключен пакт о дружбе. — А. Рарагов. Grčka u ratu 1940—1941. Beograd, 1954, str. 21.

⁹⁰ ДВП СССР, т. 17, стр. 832, прим. 319.

⁹¹ Там же, № 434, стр. 752; № 438, стр. 755—756.

⁹² И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в 1933—1939 гг., стр. 93.

⁹³ ДВП СССР, т. 17, № 434, стр. 752.

⁹⁴ Там же, № 417, стр. 725—726.

дня к советско-французскому протоколу присоединилась Чехословакия.⁹⁵

7 января 1935 г. Лаваль и Муссолини одобрили в Риме проект Дунайского пакта. Соглашение предполагалось заключить первоначально между Италией, Германией, Венгрией, Чехословакией, Югославией и Австрией. Впоследствии к нему должны были присоединиться Франция, Румыния, Польша.⁹⁶ Между генеральными штабами Франции и Италии были согласованы общие мероприятия на случай выступления Германии против Австрии или в Рейнской области.⁹⁷ Кроме того, Лаваль в беседе с советским полпредом в Париже признал, что «принципиально» договорился с Муссолини... на определенных условиях признать германские довооружения». В ответ на это полпред заявил, что германское правительство, добившись признания своих вооружений, «...не будет иметь побудительных причин примкнуть к Восточному пакту. Поэтому до всяких уступок Германии в вопросе вооружений необходимо в первую очередь осуществить Восточный пакт». Лаваль, пиеал в НКИД полпред, отделался обычным заверением, что «примется за реализацию Восточного пакта с энтузиазмом».⁹⁸

Вскоре в Женеве французский министр иностранных дел пытался рассеять подозрения советской стороны, утверждая, что все «слухи о том, что Римские соглашения могут заменить Восточный пакт, и об ослаблении интереса Франции к последнему абсолютно ни на чем не основаны».⁹⁹ Эти заверения Лавалья не имели ничего общего с его действительными намерениями. Обоснованность подозрений советской дипломатии подтвердило отношение Польши к результатам встречи Лаваль — Муссолини. Несомненно, Бек связывал с итало-французским соглашением по австрийскому вопросу свои надежды на окончательный провал Восточного пакта. В беседе с послом США в Варшаве польский министр иностранных дел заявил, что Польша встретила Римские соглашения «с подлинным энтузиазмом».¹⁰⁰ Позиция Польши, сообщал в МИД чехословацкий представитель в Риме, находится «в полном согласии и ...взаимопонимании с Германией и Венгрией».¹⁰¹

Германское правительство, разумеется, не желало гарантировать независимость Австрии, но в Берлине были не прочь использовать переговоры об итало-французском проекте, чтобы провалить

⁹⁵ ДВП СССР, т. 17, № 424, стр. 738—739.

⁹⁶ FRUS, 1935, v. 1. W., 1953, p. 170—171. Первоначально во французском проекте Дунайского пакта фигурировала Англия. Однако Лондон отказался гарантировать независимость Австрии, вследствие чего место Англии заняла Польша.

⁹⁷ История Италии, т. 3. М., 1971, стр. 117.

⁹⁸ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 158

⁹⁹ ДВП СССР, т. 18, № 16, стр. 27.

¹⁰⁰ FRUS, v. 1, 1935, p. 171.

¹⁰¹ A. Ort. Plan dunajského paktu (1935). — «Československý časopis historický». Praha, 1955, № 4, str. 600.

Восточный пакт взаимопомощи. В определенных обстоятельствах, под которыми германская дипломатия подразумевала создание прогитлеровского правительства в Австрии, германский посланник в Вене Папен считал возможным присоединение Германии к Дунайскому пакту, который, по мнению Папена, в этом случае «будет лишен всей остроты».¹⁰²

Римские соглашения встревожили Чехословакию и Румынию. В Праге и Бухаресте опасались, что западные державы могут предоставить Германии свободу рук на Востоке. 11 января 1935 г. на сессии Постоянного Совета Малой Антанты было принято решение рекомендовать Лавалю вначале заключить Восточный пакт и лишь затем приступить к реализации Римских соглашений.¹⁰³

16 марта 1935 г. германское правительство официально провозгласило введение в стране всеобщей воинской повинности.¹⁰⁴ Этот шаг еще более усилил напряженность в Европе. Возникли опасения, что примеру Германии могут последовать Венгрия и Болгария. В Софии и Будапеште, однако, сочли себя еще недостаточно подготовленными для такого шага. 19 марта 1935 г. венгерский министр иностранных дел Канья заявил болгарскому посланнику в Будапеште, что Венгрия не последует примеру Германии, ибо это было бы связано с опасностью для страны.¹⁰⁵ Через неделю болгарский посланник в Анкаре Павлов передал турецкому министру иностранных дел заявление своего правительства, в котором Болгария подтверждала отсутствие у нее намерения денонсировать военные статьи Нейского договора.¹⁰⁶

Правительство СССР резко осудило действия германского правительства. В выступлении М. М. Литвинова на чрезвычайной сессии Совета Лиги наций 17 апреля 1935 г. и в советской печати введение в Германии всеобщей воинской повинности было расценено как новый большой шаг на пути подготовки агрессии. Газета «Известия» в передовой статье «Подготовка Германии к войне» писала, что Германия преследует цель сохранить «свободу от всяких обязательств в области безопасности. (...) Подобная политика Германии стала возможной, — отмечала газета, — только благодаря политике тех великих держав — в первую очередь Великобритании, — которые поддакивали Германии и вызывали у руководителей ее политики уверенность, что достаточно дерзать, чтобы все было дозволено...».¹⁰⁷ Правильность этих выводов подтверждали дальнейшие действия британской дипломатии.

Отказ Германии от военных ограничений Версальского договора

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 2109, л. 48. Доклад Папена фюреру и рейхсканцлеру 17 мая 1935 г.

¹⁰³ *Dokumente diplomatice*, № 344, р. 595—596.

¹⁰⁴ «*Völkischer Beobachter*», 1935, 17. III.

¹⁰⁵ Централен държавен исторически архив НРБ (далее — ЦДИА), ф. 176, оп. 6, д. 2693, л. 5—6.

¹⁰⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, д. 2693, л. 17.

¹⁰⁷ «Известия», 1935, 18 марта.

не поколебал решения Лондона вступить в двусторонние переговоры с Гитлером. Английское правительство не считало восстановление всеобщей воинской повинности и создание вермахта препятствием для соглашения с Берлином. Двойственная политика, которую проводил Лондон, все в большей мере убеждала Германию, что она не встретит серьезного препятствия со стороны западных держав. Это полностью подтвердили итоги англо-германских переговоров, состоявшихся в марте 1935 г.¹⁰⁸

Советское правительство опасалось, что созываемая 11 апреля 1935 г. в Стресе конференция представителей Англии, Франции и Италии явится дальнейшим шагом на пути попустительства фашистской агрессии. Несмотря на ясно выраженное желание Советского Союза принять участие в работе конференции, представитель СССР не был приглашен в Стрezu.¹⁰⁹ Было отклонено также требование румынского министра иностранных дел Титулеску допустить его в качестве представителя Малой и Балканской Антант к участию в конференции. Англия и Франция опасались, что Титулеску может внести определенные осложнения в работу конференции стран, фактически примирившихся с германским перевооружением. Более того, на Титулеску был оказан прямой нажим в том смысле, чтобы он не предпринимал никаких демаршей в Софии, Вене и Будапеште перед совещанием в Стресе.¹¹⁰

С целью затруднить маневры Лавалля на предстоящих переговорах трех держав, советская сторона сделала энергичное представление французскому правительству. Незадолго до отъезда Лавалля в Стрezu советский полпред в Париже вручил ему заявление правительства СССР. Советское правительство желало знать, готова ли Франция возвратиться к обсуждению первоначального предложения Поль-Бонкура о заключении соглашения о взаимной помощи с теми из предполагаемых участников Восточного пакта, которые изъявляют на то свое согласие. Советское правительство указало на недопустимость попыток поставить решение этого вопроса «в зависимость от обсуждения других вопросов в Стресе или других местах с государствами, непосредственно не заинтересованными в Восточной Европе.., а тем более в отсутствие предполагаемых основных участников пакта».¹¹¹ Решительный демарш Советского правительства, поддержанный румынским министром иностранных дел Титулеску,¹¹² возымел свое действие. Лаваль был вынужден уступить. В беседе с советским полпредом в Париже французский министр иностранных дел утверждал, что «неуклонно проводит линию Бон-

¹⁰⁸ P. Schmidt. Statist auf diplomatischer Bühne 1923—1945. Bonn, 1958, S. 294—302.

¹⁰⁹ З. С. Белоусова. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964, стр. 77.

¹¹⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, д. 2693, л. 24.

¹¹¹ ДВП СССР, т. 18, № 173, стр. 274—277.

¹¹² ЦДИА, ф. 176, оп. 6, д. 2693, л. 51.

кура и Барту в своих отношениях с СССР и выражает готовность подписать с СССР двусторонний договор».¹¹³ Это заявление, сообщал в Москву советский полпред, Лаваль повторил представителям Малой и Балканской Антант, «которые приняли его к сведению и приветствовали».¹¹⁴ 12 апреля 1935 г. советская печать опубликовала сообщение о достигнутом соглашении «между правительством СССР и Францией по вопросу о проекте франко-советской конвенции безопасности, которая должна быть заключена в ближайшее время».¹¹⁵

Усилия СССР, направленные на создание в Европе эффективной системы коллективной безопасности, завершились подписанием 2 мая 1935 г. советско-французского пакта взаимной помощи. Советское правительство рассматривало франко-советский договор как важный и серьезный акт, направленный на укрепление мира в Европе. Иным было отношение к пакту Лавалья. Через несколько дней после подписания договора с Советским Союзом Лаваль поручил французскому послу в Берлине заверить Гитлера, что он, Лаваль, в любое время готов отказаться от франко-советского пакта в пользу заключения соглашения с Германией.¹¹⁶ Вся последующая политика Лавалья явилась доказательством именно такого отношения французского министра иностранных дел к пакту взаимной помощи с СССР.

16 мая 1935 г. состоялось подписание советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. Его текст был аналогичен тексту франко-советского пакта, заключенного двумя неделями раньше. Вместе с тем, по предложению чехословацкого министра иностранных дел Э. Бенеша в договор, заключенный между Советским Союзом и Чехословакией, была внесена оговорка, согласно которой обязательства взаимной помощи между двумя странами должны были вступить в силу «лишь поскольку... помощь стороне — жертве нападения — будет оказана со стороны Франции».¹¹⁷ В Праге опасались, как бы у западных держав не возникли «сомнения» в намерениях чехословацких правящих кругов и более того — не создало впечатление, что Чехословакия зашла слишком далеко в своей политике сближения с СССР. «Поскольку наш пакт зависит от Франции, — отмечалось в одном из документов чехословацкого МИД, — это развевает сомнения в нашем пакте... Мы не хотим одно-сторонне связываться с Россией, понимая свою принадлежность к Западной Европе».¹¹⁸

Заключение советско-французского и советско-чехословацкого

¹¹³ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 152.

¹¹⁴ Там же, стр. 153.

¹¹⁵ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4. М., 1946, стр. 26.

¹¹⁶ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 289; см. также: Н. Г. Пальгунов. Тридцать лет. М., 1964, стр. 124.

¹¹⁷ ДВП СССР, т. 18, № 223, стр. 335.

¹¹⁸ Внешняя политика Чехословакии, стр. 636.

пактов было с удовлетворением встречено в странах, заинтересованных в сохранении мира в Европе. О своей поддержке пактов, подписанных Францией и Чехословакией с СССР, заявили страны Малой и Балканской Антанты. Румынский министр иностранных дел Титулеску на приеме, устроенном в Бухаресте в честь Поль-Бонкура, сказал: «Договор о взаимопомощи, подписанный Парижем и Москвой, является событием такой важности, что в настоящее время нельзя предвидеть всех его положительных последствий для организации дела мира... Франко-советский договор призван быть основой будущей организации безопасности в Европе», — подчеркнул Титулеску.¹¹⁹

Заключение СССР пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией явилось выдающимся успехом советской миролюбивой внешней политики. В условиях нарастания военной угрозы эти пакты могли стать действенным барьером на пути фашистской агрессии и послужить основой развития системы коллективной безопасности в Европе. Однако в намерения правящих кругов Франции и Чехословакии не входило искреннее сотрудничество с СССР в деле защиты мира. В Париже и Праге пакты с Советским Союзом рассматривались лишь как средство, могущее обеспечить французской и чехословацкой буржуазии большую свободу маневра в международной политике. Такое отношение к сотрудничеству с СССР закономерно вело к ослаблению позиций Франции и Чехословакии на международной арене, к усилению влияния на политику этих стран Англии, правящие круги которой все более откровенно стремились к сговору с гитлеровской Германией.

Пакты, заключенные СССР с Францией и Чехословакией, вызвали тревогу в Берлине. Здесь опасались, что новый успех советской политики мира явится серьезным препятствием для осуществления замыслов германского империализма. Гитлеровская дипломатия предприняла срочные меры с целью сорвать дальнейшее развитие политики коллективной безопасности. В немалой степени успешной деятельности Берлина способствовали английские правящие круги.

21 мая 1935 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, вновь настаивал на заключении двусторонних соглашений о ненападении в противовес пактам о взаимной помощи.¹²⁰ В Лондоне пошли навстречу германским затруднениям. 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, которое определило соотношение военно-морских сил двух держав.¹²¹ Англия согласилась на восстановление германских морских вооружений в объеме, равном 35% от британских морских сил. Что касается подводных лодок, то за

¹¹⁹ Documente diplomatice, № 375, p. 642—643.

¹²⁰ «Völkischer Beobachter», 1935, 22. V.

¹²¹ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten 1935—1936. Essen, 1942, S. 282.

Германией фактически было признано право строить их в количестве, равном подводному флоту Британской империи.¹²²

Соглашение от 18 июня 1935 г., которое английский морской министр лицемерно определил как «вклад в дело мира и международное умиротворение»,¹²³ явилось серьезным ударом по фронту государств европейского континента, которым угрожала фашистская агрессия.¹²⁴ Английские правящие круги официально признали вооружение Германии и ликвидировали так называемый «фронт Стрезы», оформившийся в апреле 1935 г.

«Суть англо-германского морского соглашения состояла в том, — пишет в своих мемуарах бывший гитлеровский адмирал К. Дениц, — что германские военно-морские силы в мирное время должны были нести функции политического фактора, а в военное время — бороться с неким континентальным противником».¹²⁵

Нетрудно догадаться, кого имеет в виду Дениц под «неким континентальным противником». Соглашение, заключенное между Англией и Германией, было направлено прежде всего против СССР. «...Мы должны, — заявил в июне 1935 г. Гитлер британскому послу в Берлине, — держать военные корабли по всему Балтийскому морю».¹²⁶ Вместе с тем соглашение серьезно задевало интересы Франции, печать которой разразилась гневными статьями по этому поводу.¹²⁷ Это, впрочем, не помешало Лавалю выступить с заявлением, что «путь к переговорам (с Германией, — В. А.) остается открытым».¹²⁸

В Берлине расценили соглашение с Англией как важный внешнеполитический успех германской дипломатии. В специальном докладе, направленном Гитлеру, Папен писал, что заключенный в июне 1935 г. «морской договор» способствует взаимопониманию с Англией. Англо-германское соглашение изменило расстановку сил в Европе и ослабило французскую систему союзов. Благоприятное для Германии развитие событий, отметил Папен, может ускориться в случае вторжения Италии в Абиссинию.¹²⁹

Таким образом, политика попустительства фашистской агрессии, проводимая правящими кругами западных держав, приносила свои плоды. Линия, которой придерживались в международной политике эти державы, — «это линия на отказ от организации кол-

¹²² Ibidem; см. также: K. Eubank. The origins of world war II. N. Y., 1969, p. 44.

¹²³ P. Lundgreen. Die englische Appeasement—Politik bis zum Münchener Abkommen. Berl., 1969, S. 50.

¹²⁴ Л. Н. Иванов. Морская политика и дипломатия империалистических держав. М., 1964, стр. 313.

¹²⁵ К. Дениц. Немецкие подводные лодки во второй мировой войне. М., 1964, стр. 43.

¹²⁶ Дневник посла Додда 1933—1938. М., 1961, стр. 329.

¹²⁷ FRUS, 1935, v. I, p. 166.

¹²⁸ З. С. Белоусова. Французская дипломатия накануне Мюнхена, стр. 98.

¹²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 96—100. Доклад Папена фюреру и рейхсканцлеру 27.VIII.1935.

лективной безопасности, на отход от противодействия агрессии, что неизбежно поощряло фашистские страны к усилению их агрессивной активности и тем самым способствовало развязыванию новой войны», — отмечается в исторической справке «Фальсификаторы истории». Этой линии противостояла другая — «линия борьбы за мир, за организацию коллективной безопасности и за противодействие агрессии объединенными усилиями миролюбивых народов. Эту линию вел Советский Союз, последовательно и стойко защищая интересы всех больших и малых миролюбивых народов».¹³⁰

Энергичные усилия СССР, направленные на укрепление мира в Европе, привели к заключению пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Однако положительные сдвиги в международной политике не получили завершения в виде эффективной системы коллективной безопасности. Правящие круги западных держав открыто становились на путь поощрения фашистской агрессии в расчете направить ее против СССР.

В обстановке роста военной угрозы Советский Союз продолжал непоколебимо стоять на мирных позициях, отмечал ЦК ВКП(б) в отчетном докладе XVII съезду партии, — «борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто готовится, провоцирует войну».¹³¹

¹³⁰ Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1952, стр. 18—19.

¹³¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934, стр. 13.